

В. Г. Зубарев

ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ
СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ
ПО ДАННЫМ АНТИЧНОЙ
ПИСЬМЕННОЙ ТРАДИЦИИ

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
МОСКВА 2005

ББК 63.2
3 91

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ)
проект № 03-06-87090

Зубарев В. Г.

3 91 Историческая география Северного Причерноморья по данным античной письменной традиции. — М.: Языки славянской культуры, 2005. — 504 с.: ил., карты — (Studia historica).

ISSN 1727-9968

ISBN 5-9551-0056-3

В книге исследуются проблемы античной географии Северного Причерноморья. Автор опирается на сведения античной письменной традиции, начиная с логографов и заканчивая географами римского времени. Используя оригинальную методику интерпретации античных географических представлений, сопоставляя их с широким археологическим материалом, автор предлагает не только локализацию отдельных топонимов на современной карте, но и реконструирует в ряде случаев оборонительную систему, линии дорог и административно-территориальное деление античных государств Северного Причерноморья.

ББК 63.2

*На переплете: Э. Дюперак, Дж. Антонио да Варезе и помощники.
«Средиземноморский бассейн. Третья Лоджия, так называемая
Лоджия Космографии». Ватикан*

ISBN 5-9551-0056-3

9

785955 100562

© Зубарев В. Г., 2005

© Языки славянской культуры, 2005

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Введение</i>	7
<i>Глава I. Методика исследования и основные физико-географические параметры Азово-Черноморского бассейна</i>	49
<i>Глава II. Нижняя Мезия и среднее междуречье Истра (Дуная) и Тираса (Днестра) в античную эпоху</i>	127
<i>Глава III. Междуречье Гипаниса (Южного Буга) и Борисфена (Днепра), Каркинитский залив и Херсонес Таврический (Крымский полуостров) в античную эпоху</i>	171
<i>Глава IV. Европейский Боспор (Керченский полуостров) и Западная Меотида (Западное Приазовье) в античную эпоху</i>	239
<i>Глава V. Север и юго-восток Меотиды (Азовского моря) в античную эпоху</i>	286
<i>Глава VI. Азиатский Боспор (Таманский полуостров) и район Бат (Новороссийская бухта) в античную эпоху</i>	334
<i>Заключение</i>	378
<i>Примечания</i>	381
<i>Приложение I. Основные параметры Азово-Черноморского бассейна на карте Клавдия Птолемея</i>	430
<i>Приложение II. Карта Северного Причерноморья в античную эпоху по данным античной письменной традиции</i>	438
<i>Перечень основных античных топонимов Северного Причерноморья</i>	455
<i>Библиография</i>	458
<i>Список сокращений</i>	503

ВВЕДЕНИЕ

Изучение вопросов развития географических знаний древности является одной из важнейших проблем исторической науки, интерес к которой не только не снижается, но, напротив, возрастает по мере открытия новых источников и новых археологических памятников. В этой связи не является исключением и анализ античной письменной традиции о таком отдаленном от Греции и Рима регионе, как Северное Причерноморье. Однако, несмотря на почти 200-летний период работы в этой области, подавляющее большинство дошедших до нас топонимов либо вообще не соотнесены с конкретными объектами, либо такое соотношение остается весьма проблематичным и спорным.

Между тем античная географическая топонимика позволяет не только отчасти «оживить» мертвые руины городов и поселений, вернув им древние наименования, а также восстановить, опираясь на данные палеогеографии, древнюю береговую линию и ландшафт, но и во многом способствует правильной реконструкции истории региона. В частности, это касается расселения племен, их передвижения, торговых путей как по суше, так и по морю, административно-территориального деления, системы обороны, причем в ряде случаев можно выяснить не только статическую картину, но и проследить динамику тех или других процессов. Кроме того, конкретная локализация топонимов позволяет уточнить место действия исторических событий, а привязка последних к географической среде, составляющей фон любого исторического повествования, делает их к тому же и вполне наглядными.

Сложность локализации топонимов на современной карте связана с тем, что дошедшие до нас сведения далеко не в полном объеме отражают степень географических знаний о Северном Причерноморье в античную эпоху. К тому же многие из них фрагментарны и противоречивы. В какой-то мере имеющийся в нашем распоряжении материал напоминает разбитое мозаичное панно, которое изначально было связано общим сюжетом, а после разрушения представляет собой совокупность мелких, средних и крупных фрагментов, каждый из которых

может претендовать на определенную законченность и в то же время быть весьма далеким от начального сюжета картины. Вот почему, на наш взгляд, реконструкция географической ситуации на основе одного, пусть даже более или менее полностью сохранившегося источника, без всестороннего сопоставления его со всеми другими имеющимися в нашем распоряжении фрагментами (причем не по отдельно взятому топониму, а по всей их совокупности в исторически определенном и обозначенном регионе), не может быть признана исчерпывающей и чаще всего остается гипотетичной.

Территориальные рамки обозначенного нами региона выбраны отнюдь не произвольно и не случайно. На западе, в нижнем течении Дуная, были расположены римские крепости, откуда, вне всякого сомнения, расходились дороги, в том числе в сторону Тиры, Ольвии и Херсонеса. На востоке мы ограничились территорией Азиатского Боспора и ближайшими из прилегающих к ней районами. Таким образом, все крупнейшие государственные образования античной эпохи в Северном Причерноморье с прилегающими к ним варварскими территориями оказываются в центре нашего внимания, а полученная в результате анализа относящихся к ним топонимов картина должна быть более или менее полной и законченной.

Источники по истории античной географии Северного Причерноморья отличаются определенным своеобразием, и их интерпретация достаточно сложна и далеко не всегда однозначна. Рассматривая их в общем русле развития античной географической мысли, вместе с тем следует учитывать существенную отдаленность Северного Причерноморья от главных центров античной цивилизации и как следствие этого — запутанность и относительную неполноту свидетельств античных авторов. Кроме того, большинство сведений об этом регионе носит фрагментарный характер и дошло до нас далеко не в полном объеме. Те же источники, которым повезло больше, как правило, представляют собой компилятивный материал, основанный на весьма разноплановых и порой противоречивых свидетельствах. Вот почему при локализации отдельных пунктов и географических наименований столь важно учитывать все имеющиеся в нашем распоряжении данные.

Источники по античной географии Северного Причерноморья довольно разнообразны и представлены многими жанрами античной литературной традиции. Среди них можно выделить географические труды обобщающего характера, рассматривающие вопросы теории географии и дающие подробное руководство к составлению географической

карты («Географическое руководство» Клавдия Птолемея); географические работы практически-политического направления («География» Страбона); комплексные исторические исследования, в которых география — лишь вспомогательная историческая дисциплина, дающая более или менее эмпирическое описание отдельных областей ойкумены (работы Геродота, Полибия, Тацита и др. историков); многочисленные периплы и периэезы, как чисто описательного характера или с незначительным добавлением цифрового материала (Скилак Кариандский, Дионисий Периегет, Маркиан Гераклеяский), так и подробные, с указанием конкретных расстояний практические руководства, подобные периплу Арриана.

Важное место среди источников занимают и энциклопедические работы, особенно «Естественная история» Плиния, содержащая подробный географический очерк, а также работа Помпония Мелы, близкая по характеру к научно-популярной литературе.

Ряд сведений географического и этнографического характера содержится в специальных исследованиях по отдельным отраслям науки (таковы, в частности, работы Гиппократ, Гемина, Варрона); в произведениях философов (Платон, Аристотель); в художественной литературе (Эсхил, Еврипид, Аристофан, Овидий); в политико-публицистических выступлениях ораторов (Исократ, Демосфен); в христианских проповедях и церковных историях позднейшего периода (Климент Александрийский, Афанасий Александрийский, Гермий, Созомен, Филосторгий и другие). Отражение реальных географических сведений имеет место и в произведениях мифологического содержания, начиная с «Илиады» и «Одиссеи» Гомера.

Особое место среди источников по Северному Причерноморью занимают справочно-географические и толково-справочные работы от Гекатея Милетского до Стефана Византийского. К этой же категории можно отнести и многочисленные схолии к Гомеру, Гесиоду, Эсхилу, Каллимаху, Лукану и другим авторам.

Наконец, следует отметить и работы, относящиеся к более позднему времени (XII—XIII вв.), авторы которых также дают толкования античным представлениям о Северном Причерноморье (Евстафий) или же излагают почти без изменений целые произведения (Никифор Блеммид).

Каждый письменный источник имеет свою особенность и требует индивидуального подхода в оценке содержащихся в нем сведений и их современной интерпретации. Вместе с тем можно отметить ряд общих моментов, присущих античной географической традиции в целом.

Первая особенность связана с системой ориентирования при описании той или другой местности и, в частности, с употреблением древними авторами небольшой группы предлогов и наречий со значением «выше» и «ниже»¹. А. В. Подосинов предлагает понимать их с натяжкой как «за, дальше, по ту сторону, вглубь материка или моря» и «до, ближе, у побережья»². Нельзя не согласиться с его выводом о том, что античные авторы при составлении географических описаний были относительно независимы от ориентирования карт³ и следовали в описании берегам морей, рекам, крупным дорогам и т. п., и это необходимо учитывать при анализе того или другого источника.

Другая особенность связана с единицей измерения расстояний. Большую сложность в использовании сведений вызывает размер стадия. Весьма существенные колебания его длины (от 148 до 210 метров) неизбежно приводят к серьезной разнице расстояний при локализации и вытекающим из этого ошибочным выводам, особенно при работе с компилятивными источниками. Нет никакой уверенности, что компиляторы пользовались единой длиной стадия, а не сохраняли в каждом конкретном случае размер стадия своего источника. В то же время и отрицать подобную возможность нельзя, о чем, в частности, свидетельствует пример Птолемея⁴.

Третья общая особенность связана с учетом фактора времени, опять же, в первую очередь, в компилятивных и обобщающих работах. Разновременные источники использовались их авторами зачастую без учета прошедших изменений, а возникающие при этом противоречия разрешались путем наложения одного источника на другой (в частности, это касается сложившейся еще в VII—VI вв. до н. э. картины распределения племен и народов, соседствующих с греческими городами северного побережья Черного моря, переходящей от одного автора к другому, вплоть до позднеримской эпохи). Более того, далеко не все античные авторы имели мужество, подобно Страбону, честно признаться в отсутствии у них сведений о том или другом районе и заполняли образовавшуюся лакуну явно устаревшими сведениями. В результате в одном и том же описании могут присутствовать совершенно различные по времени картины. Наконец, еще одна общая особенность античной географической традиции — двойной стандарт в содержании ряда племенных этнонимов, а также многовариантность наименования ряда географических объектов и населенных пунктов. В качестве примера здесь можно привести этноним «гиппемолгов», «киммерийцев», «гипербореев» и т. п., а также двойные названия Оль-

вии — Борисфена. Естественно, что подобное положение дел требует от современных интерпретаторов крайне осторожного подхода к истолкованию свидетельств античных авторов, необходимости учитывать индивидуальные особенности используемого источника в совокупности со всей имеющейся по тому или другому этнониму, топониму или населенному пункту информацией.

В то же время нельзя сбрасывать со счета и того обстоятельства, что в ряде случаев, хотя и использовался более ранний источник, он мог быть скорректирован в соответствии с новой информацией, а включение в текст дословной или почти дословной цитаты может свидетельствовать о совпадении уточненной информации с прежней — ведь многие города существовали на протяжении весьма длительного времени. Точно так же и в отношении двойного стандарта в наименованиях. Здесь необходимо учитывать и возможность наличия одноименных (или имеющих созвучное наименование) топонимов, но пространственно разделяемых в действительности.

Прежде чем обозначить основной круг источников, с которыми мы собираемся работать, оговорим некоторые принципиальные моменты. Во-первых, мы будем использовать текст оригинала и соответствующий перевод уже введенных в научный оборот письменных свидетельств античных авторов, сопоставляя свод В. В. Латышева⁵ с новейшими переводами и отдельными историко-филологическими изысканиями⁶.

Мы не ставим задачу всестороннего анализа каждого используемого источника. Такой подход, как правило, является предметом специальных исследований, в рамках которых конкретная локализация топонимов не является определяющей. Подобные исследования в настоящее время имеются в отношении практически всех основных античных авторов, сообщающих географические сведения по Северному Причерноморью⁷. Вот почему нет необходимости в изложении этого вопроса, за исключением тех случаев, когда наша позиция является отличной.

Во-вторых, предлагаемый ниже обзор основных письменных источников по Северному Причерноморью носит исключительно предварительный характер и ставит своей целью лишь обозначить круг тех источников, с которыми предстоит далее работать. Методика работы со сведениями античных авторов, а также результаты их сравнительного анализа излагаются в основной части работы, так как, на наш взгляд, любое сравнение без конкретной локализации и без сопоставления с археологическими реалиями, носит по преимуществу ги-

потетический характер. (Блестящий образец такого сквозного анализа применительно к Северному Причерноморью дал в начале XX в. М. И. Ростовцев.)⁸

В-третьих, предлагаемое ниже деление источников на группы по временному признаку носит исключительно условный характер. Периоды согласуются с этапами, выделенными А. Б. Дитмаром в истории античной географии⁹. Основным критерием отнесения к ним тех или других источников послужило либо время жизни автора, либо предполагаемое время написания труда, если таковое известно. И то и другое может полностью или частично не совпадать с временными рамками отраженной в источнике картины. Их окончательное установление возможно только после конкретной локализации топонимов, выяснения их взаимосвязи и сопоставления с археологической картой региона.

Первый период (от гомеровского времени до начала IV в. до н. э.) представлен 17 авторами: Гомер, Гесиод, Стасин, Арктин, Аристей из Проконесса, Гекатей Милетский, Эсхил, Пиндар, Софокл, Гелланик, Ферекид Лерийский, Геродот, Еврипид, Фукидид, Гиппократ, Ктесий Книдский.

С самого раннего времени географические представления греков развивались как бы по двойному стандарту. С одной стороны, ранние связи с соседними народами, особенно финикийцами, расширили их кругозор, заставили видеть мир значительно большим, чем рамки собственной и нескольких соседских общин. Информация о прошлом, содержащаяся в эпосах и мифах, была полуфантастична, искажена, но она будила интерес, заставляла искать пути в неведомые земли. Ионийские поэты уже знакомы с кочевыми народами, они знают о киммерийцах, о южном берегу Понта, о Кавказе, однако представления их довольно туманны и неконкретны.

Географические представления Гомера сложны и полулегендарны. Мир, хорошо известный ему, ограничивается только странами, прилегающими к Эгейскому морю. Все же, что было дальше от него, было известно только отчасти либо неизвестно вообще. В поэмах практически отсутствуют какие-либо точные координаты и лишь с большой натяжкой можно говорить о единичных случаях упоминаний возможно относящихся к Северному Причерноморью сведений (Ном., «Илиада», XIII, 1—7; «Одиссея», X, 77—99; XI, 12—19)¹⁰.

Столь же единичны они и в произведениях других ранних писателей: в поэмах Гесиода («Теогония», ст. 337—345)¹¹, Стасина («Кипрские сказания»), Арктина («Эфиопида»)¹². Одной из самых ранних

перизегез, правда написанной в стихах, вероятно, следует считать поэму «Аримаспея» Аристея из Проконесса. Поэма посвящена путешествию автора (реальному или скорее вымышленному) к исседонам, аримаспам, грифам и гипербореям¹³.

Ранний период в истории античной географии был временем постепенного накопления знаний об ойкумене. Происходит медленное освобождение от мифов. Ранее опасные и неведомые земли становятся хорошо известными (например, Негостеприимное море превращается в Понт Евксинский) и как бы более близкими. Таков, например, географический фон «Прикованного Прометея» Эсхила¹⁴, хотя еще и довольно туманный, но уже значительно более подробный, или географические свидетельства, содержащиеся в одах Пиндара (здесь упомянуты, в частности, Истр, Светлый остров [остров Ахилла])¹⁵.

Единичные сведения о Северном Причерноморье содержатся также у Еврипида — упоминаются тавры, скифы, остров Белый (Ахилла), амазонки на берегу Меотиды¹⁶, у Ферекида Лернийского (Истр, скифы)¹⁷ и Ктесия Книдского¹⁸.

Однако все эти свидетельства являются лишь вспомогательным материалом, иллюстрирующим постепенность расширения географического кругозора греков. То же самое можно сказать и об отрывочных сведениях Фукидида¹⁹ и даже Гиппократы, несмотря на то что его трактат «О воздухе, водах и местностях» содержит довольно подробный этнографический очерк²⁰.

Из всех авторов, отнесенных нами к первому периоду, лишь трое — Гекатей Милетский, Гелланик и Геродот — дают относительно полную картину для Северного Причерноморья.

Гекатей Милетский в своем «Землеописании» сообщает общие сведения о районе (фр. 163) и перечисляет 17 географических объектов и этнонимов (фр. 154, 153, 155, 156, 157, 158, 159, 161, 162, 164, 165, 166, 167, 197)²¹. Из них три (иамы, исеп, эды) встречаются только у него. Гекатей подробно описал берега Черного моря, сравнивая очертания моря со «скифским луком» (фр.163), тетива которого соответствует южному берегу, а изогнутое древко — северному берегу с Таврическим полуостровом. В отличие от Геродота Гекатей дает сведения не только по Европейской Скифии, но и по греческим городам Тамани. Он хорошо знает Фанагорию и окрестности. Однако в целом свидетельства Гекатея носят чисто описательный характер и могут быть использованы лишь в ограниченных пределах (последовательность перечисления и общее пространственное расположение).

Сведения Гелланика носят также описательный характер и, как справедливо отмечал М. И. Ростовцев, «составляют переход от живого непосредственного знания местности, характеризующего Гекатея и в некоторых его изложениях Геродота, к чисто литературному, филологическому методу работы»²². Таким образом, данные Гелланика — фр. 92 («Аттида»), фр. 96 («О народах»), фр. 109 («Основание городов») — могут быть использованы лишь в тех же рамках, что и сведения Гекатея.

Иное дело — «История» Геродота. Во-первых, она содержит самый полный для этого времени географический и этногеографический очерк для Северного Причерноморья. Геродот, помимо общей характеристики физико-географических условий местности (I, 104; II, 22; IV, 7; IV, 12; IV, 20; IV, 28; IV, 29; IV, 30; IV, 31; IV, 32; IV, 46—58; IV, 61; IV, 85; IV, 86; IV, 99—101), указывает для нее около 55 географических наименований и этнонимов, из которых 8 отмечены только у него (IV, 22; IV, 45; IV, 51; IV, 53; IV, 57; IV, 99; IV, 123)²⁴. Во-вторых, это единственный из авторов V в. до н. э., который не только дает подробное описание, но и указывает в ряде случаев конкретные расположения в «стадиях» и «днях пути». Наконец, в-третьих, как отмечают А. И. Доватур, Д. П. Каллистов и И. А. Шишова, «более поздние античные авторы, побывавшие в стране, пользовались в своих описаниях чужими трудами, и потому их сочинения не могут идти в сравнение с «Историей» Геродота. Геродот в полной мере достоверен там, где передает то, что он лично видел или слышал. В последнем случае он обычно правильно передает то, что ему рассказали. Широкая осведомленность Геродота не подлежит сомнению, но самые сведения, полученные им от других, могли быть неточными, даже ошибочными, либо отличаться некоторой неопределенностью и неясностью»²⁵.

В связи с использованием Геродотом цифрового материала возникает вопрос о методике работы с ним. Геродот, составляя свою «Историю», ориентировался на Афины. Исходя из этого, часть исследователей полагает, что Геродот пользовался аттическими мерами длины, а следовательно, и аттическим стадием, который равен 177,6 м²⁶.

В противовес этому существует мнение, что Геродот, будучи гражданином малоазийского города Галикарнаса, пользовался в своем сочинении ионийскими мерами длины, т. е. стадием, равным 210 м. При таком разбросе единицы измерения и далеко неоднозначном решении этого вопроса представляется наиболее приемлемым при работе с данными Геродота придерживаться точки зрения А. И. Доватура,

Д. П. Каллистова и И. А. Шишовой, производя каждый раз расчеты в двух вариантах²⁷. Кроме того, вряд ли все измерения производились непосредственно самим автором «Истории», а в этом случае, даже если Геродот использовал тот или другой стадий, вероятность ошибки достаточно велика.

Что касается источников, которыми пользовался Геродот, то он сам во второй книге «Истории» (II, 99) дает их характеристику: он пишет о том, что он видел, что он думает о виденном и слышанном, и опирается на сведения, полученные путем расспросов. Кроме того, Геродот, безусловно, был хорошо знаком с трудом Гекатея Милетского и с составленной Гекатеем географической картой известного в то время мира. Однако, несмотря на вероятную зависимость от него Геродота, общая конструкция описания Причерноморья у этих авторов существенно отличается²⁸. В частности, Геродот игнорирует в своей описательной части все побережье Черного и Азовского моря за Доном. Гекатей же, напротив, живо интересуется греческими городами Тамани и в этом месте может служить хорошим дополнением к сведениям Геродота.

Итак, среди источников, относящихся к первому периоду развития античной географии, безусловно, центральное место, с точки зрения сведений о Северном Причерноморье, занимает «История» Геродота. Имеющиеся в ней лакуны отчасти могут быть заполнены сведениями Гекатея Милетского (район Тамани) и дополнены этнографическим очерком Гиппократа. Остальная литература по большей части выполняет лишь статистическую роль, констатируя уровень знаний тогдашнего мира об одном из самых отдаленных уголков ойкумены.

Ко второму периоду относятся работы и свидетельства 23 авторов: Аристофана, Исократ, Платона, Ксенофонта, Антифана, Эфора, Эсхина, Аристотеля, Демосфена, Псевдо-Каллисфена, Псевдо-Палефата, Каллимаха, Ликофрона, Евдокса, Антигона Каристского, Эратосфена, Аполлония Родосского, Полибия, Гиппарха, Феофраста, Скилака Кариандского, Псевдо-Скимна.

Географические сведения у большинства перечисленных авторов носят случайный и единичный характер и не являются для них самоцелью. Таковы политико-публицистические речи Исократ²⁹, Эсхина³⁰ и Демосфена³¹; комедии Аристофана³² и Антифана³³, своеобразный роман Псевдо-Каллисфена³⁴, поэма Ликофрона³⁵, гимны Каллимаха³⁶. Однако объем накопленных знаний в области географии, равно как и других наук, неизбежно должен был привести к постепенной диффе-

ренциации научных знаний, выделенных из общего контекста обособленных специальных направлений с присущими им методами. Так, в комедии Аристофана «Облака» упоминается о попытках греческих ученых уже в то время (V в. до н. э.) определить величину Земли. Тут же говорится и о существовании в то время географических карт, ставших уже учебным пособием.

«Ученик (указывая на географическую карту Земли): “А вот тебе и весь земной круг! Видишь?..”» («Облака», ст. 207—217)³⁷.

Развитие физико-географических воззрений приходится на начало IV в. до н. э. Этому способствовало развитие астрономии и математики. Первым ученым, который стал использовать астрономические данные в интересах географии, был Евдокс Книдский. Страбон называет его среди выдающихся географов как автора большого географического описания ойкумены в восьми книгах (до нас не дошедшего). В сохранившихся у поздних авторов фрагментах упоминаются река Танаис, сарматы, моссиники (фр. кн. I, 1—2)³⁸.

Существенное влияние на содержание последующих географических произведений оказал Эфор, который, по меткому выражению М. И. Ростовцева, «канонизировал Гомера, и фактически с его легкой руки ранняя картина стала кочевать по произведениям античных авторов, соседствуя с новыми сведениями»³⁹. Эфору принадлежит и дошедший до нас чертеж ойкумены (фр. 38 4 кн. «Всеобщей истории» Эфора)⁴⁰, где юг показан вверху, а скифы помещены внизу.

Сведения Эфора, возможно, использовал и Аполлоний Родосский, оставивший довольно подробное описание устья Истра («Аргонавтика», IV, 282—292; 303—328)⁴¹.

Заслуга создания новой географической карты Земли на основании более точных данных принадлежала Эратосфену. К сожалению, его «Географические очерки» до нас не дошли, однако его сведениями широко пользовались более поздние авторы — Плиний Старший, Полибий и особенно Страбон. В связи с этим уместно будет отметить, что, скорее всего, Эратосфен или, что более вероятно, его источники исходили в своих наблюдениях из Пантикапея (как в свое время Геродот из Ольвии). Однако к этому времени Ольвия и ее окрестности для греков перестали быть интересными, и весь интерес сосредоточился на Крыме и специально на Пантикапее (не случайно аттические ораторы так много говорят о Боспорском царстве и торговых отношениях с Пантикапеем и Синдикой — примером могут служить речи Демосфена)⁴². Кроме того, следует иметь в виду, что градусов Эратосфен не

знал (все измерения были в стадиях). Расстояния между «меридианами» вычислялись на основе сведений о протяженности сухопутных и морских путей. Географическую же широту в градусах впервые стал измерять Гиппарх, сочинением которого «Против географии Эратосфена» (до нас не дошло) также пользовались более поздние авторы. Некоторые сведения о Северном Причерноморье содержатся в сочинениях Полибия (упомянуты сарматы и дается описание Истра)⁴³, Платона (упомянуты гипербореи и скифы)⁴⁴, Феофраста (некоторые общие сведения о Понте, упомянуты Пантикапей и сарматы)⁴⁵, Антигона Каристского (упомянуты скифы, Меотийское озеро, река Гипанис, Белый остров)⁴⁶, Ксенофонта (моссиники)⁴⁷ и Аристотеля (Танаис и Меотийское озеро, реки Истр и Гипанис, Киммерийский Боспор, даются также сведения физико-географического характера)⁴⁸. Однако все эти свидетельства носят единичный и случайный характер. Главными источниками во втором периоде являются перипл, приписываемый Скилаку Кариандскому и перизгеза Псевдо-Скимна. В эпоху эллинизма доля общей этнографической и исторической информации становится в периплах все более значительной, однако при этом сохраняются оригинальные принципы построения описания (опорная роль береговой линии, вдоль которой совершается плавание; определение правой и левой сторон относительно движения). Перипл, дошедший до нашего времени под именем Скилака Кариандского, представляет собой искусную компиляцию, объединяющую древние и новые для второй половины IV в. до н. э. сведения. М. И. Ростовцев предположил принадлежность его афинянину⁴⁹. На это указывает целый ряд фактов: слабое описание северо-западного Причерноморья и западного Крыма, т. е. пути от устьев Дуная к юго-западному побережью Крыма, к Херсонесу и Бараньему Лбу и оттуда в Пантикапей; отсутствие великой реки Европы Борисфена, упоминание на правом берегу Танаиса сарматов. Ф. В. Шелов-Коведяев на основе сопоставления реальных исторических событий и сведений, содержащихся в перипле, приходит к заключению, что создание его следует отнести к 30-м гг. IV в. до н. э.⁵⁰

Помимо общих сведений о Северном Причерноморье, Псевдо-Скилак называет 26 различных географических наименований и этнонимов («Европа», 68—99; «Азия», 70—79), причем два из них (город Торик и область Колика)⁵¹ встречаются только у него.

В перипле указаны некоторые расстояния преимущественно в днях и ночах плавания в открытом море, и лишь расстояние от Пантикапея

до устья Меотийского озера дано в стадиях («Европа», 68). Соотношение «дня», «ночи» и «стадиев» дается в 69-м параграфе «Европы»: «Идущему морем от Геракловых Столпов в Европе по заливам вдоль суши и сосчитавшему, сколько написано ночей и наравне с ними дней, и где написано, [если] дневное плавание принять равным 500 стадиям, — тому плавание вдоль Европы встанет, при том что залив Меотида будет равен половинной части Понта, в 163 дня...»⁵² То есть 1 ночь = 1 дню = 500 стадиям. Что касается размера стадия, то, если автор афинянин, возможно, применяется аттический стадий — 177,6 м, хотя, учитывая компилятивный характер перипла, возможны и иные варианты.

Периэгеза Псевдо-Скимна представляет собой краткое землеописание, также составленное на основе нескольких источников. Независимо от времени написания картина, нашедшая отражение в этом перипле, относится к III—II вв. до н. э., а, возможно, в отдельных случаях к более раннему времени, учитывая источники, которыми пользовался Псевдо-Скимн. Последние он называет сам — Эфор и Деметрий Каллатийский. Причем там, где мы имеем несомненную эфоровскую традицию, мы сейчас же замечаем тесную связь с Геродотом. Та же теснейшая связь ясна с первого взгляда и в отношении Скифии, описание которой вводится определенной цитатой Эфора (841—849)⁵³. Полемизируя с Е. Доппом, предпринявшим попытку восстановления на основании имеющихся данных перипла Эфора⁵⁴, М. И. Ростовцев указывает на несомненно более весомую долю Деметрия в части перипла, касающегося Причерноморья⁵⁵. При этом описание рек Тираса, Гипаниса и Борисфена, тесно примыкающее к Геродоту, — эфоровское, Азии с Доном и сарматами, возможно, тоже, а вот Крыма с Херсонесом и Пантикапеем — явно не эфоровское. То же можно сказать и о Тамани, описание которой свидетельствует о личном знакомстве с местностью. М. И. Ростовцев даже высказал предположение, что этот отрывок взят у одного из тогдашних предшественников Геродота, однако упоминание боспорских тиранов как основателей города Киммериды (ст. 896—899) говорит против такого раннего происхождения⁵⁶.

В периэгезе Псевдо-Скимна названо по Северному Причерноморью 34 географических наименования и этнонима (ст. 467—772; 773—784; 785—796; 767; 798—803; 804—812; 813—819; 822—830; 831—834; 835—840; 841—849; 850—859; 860—864; 865—873; 874—885; 886—889; 890—895; 896—899; 953—957)⁵⁷, в том числе этноним «лимней»,

который встречается только у него. В целом перипл преимущественно описательного характера. Расстояния в стадиях и днях пути указаны лишь до Ахиллова острова, до Ольвии (соответственно от береговой линии), для судоходного участка Днестра, для расстояния между м. Карамбис и м. Бараний Лоб, а также (что довольно редко для Северного Причерноморья) обозначена в стадиях область расселения сарматов. Размер стадия, который использовал Псевдо-Скимн, не определен и, возможно, зависел от источников, что и следует учитывать при использовании его сведений.

Заложенные Евдоксом, Эратосфеном и Гиппархом математические методы географических исследований, равно как и описательная традиция в географии, получили свое продолжение в **римский период**. С точки зрения обилия источников, их разнообразия и определенной полноты, третий из выделенных нами периодов самый богатый. По крайней мере 50 авторов дают нам разнообразные сведения о Северном Причерноморье. Николай Дамасский, Страбон, Дионисий Периегет, Арриан, Гемин, Исигон Никейский, Сотиион, Плутарх, Элий, Геродиан, Псевдо-Анахарсис, Псевдо-Плутарх, Элий Аристид, Лукиан Самосский, Аппиан, Павсаний, Плиний, Помпоний Мела, Птолемей, Дион Хрисостом, Иосиф Флавий, Гай Валерий Флакк, Дионисий Галикарнасский, Максим Тирский, Полиен, Публий Овидий Назон, Тацит — вот далеко не полный перечень наших информаторов.

Безусловно, по своему характеру все эти источники неоднозначны. Большинство из них сообщает лишь отрывочные, единичные сведения иллюстративно-справочного толка. Однако здесь же мы встречаем произведения, практически не имеющие аналогов (по крайней мере, из дошедших до нас) по охвату топонимического материала и по широте обобщения. К этой группе, безусловно, следует отнести «Географию» Страбона, «Объезд Евксинского Понта» Арриана, «Географическое руководство» Клавдия Птолемея, географический очерк в «Естественной истории» Плиния, «Землеописание» Помпония Мелы и, может быть, несколько в меньшей степени «Землеописание» Дионисия Периегета.

«География» Страбона в 17 книгах является первой попыткой сопоставления географических сведений своего времени и предшествующих эпох и попыткой дать им систематический обзор. Страбон уделяет внимание главным образом подробному описанию ойкумены, его мало интересует проблема обитаемости или необитаемости других частей земного шара. «Итак, первое и самое главное дело как для научных

целей, так и для нужд государства — это попытка описать, по возможности наиболее просто, форму и величину той части Земли, которая помещается в пределах нашей географической карты, отмечая характерные особенности этой части и какую долю всей земли она составляет. Ведь в этом, собственно, и заключается задача географа» (Strabo, II, 5, 13)⁵⁸. Таким образом, для Страбона география — наука практическая, цель которой — польза для властителей. «...География как целое имеет прямое отношение к деятельности властителей...» (Strabo, I, 1, 16). Метод и цель Страбона чисто описательные. Он не стремится к причинному объяснению явлений и к теоретическим построениям и гипотезам и ограничивается разработкой «периплов» и «перизгез» хорографических, исторических и мифологических сочинений⁵⁹, т. е. по большей части «География» Страбона не может считаться самостоятельным исследованием, но является трудом компилятивным, скорее историко-географического плана. Может быть, именно поэтому ее игнорировали последующие античные писатели. Зачем пользоваться критическим анализом, если имеется доступ к первоисточнику?

Страбоном нельзя пользоваться механически. Он только тогда ценен и понятен, когда становится ясно, кто из многочисленных его источников говорит с нами в каждом конкретном случае. Киммерийский Боспор и Понт описаны по материалам древнего понтийского перипла (М. И. Ростовцев считал этот «перипл» принадлежащим Артеמידору Эфесскому⁶⁰). В то же время нельзя однозначно ответить, какой источник лежит в основе страбоновской диафесы племен, заменившей данные Геродота, хотя такие попытки и предпринимались⁶¹, и когда эти новые данные появились. Во всяком случае, как отмечает М. И. Ростовцев, Эфор ее не знает, а географы III, II, I вв. до н. э. считали сведения Геродота уже недостоверными и устаревшими.

Помимо общих сведений и физико-географической характеристики, в «Географии» Страбона для Северного Причерноморья названо 104 топонима (Strabo, I, 1,10; I, 2,9; I, 3,15; I, 3,21; I, 3,22; II, 4,5; II, 4,6; II, 5,12; II, 5,7; II, 5,22; II, 5,25; II, 5,30; II, 5,31; III, 2,12; VI, 4,2; VII, 1,1; VII, 2,2; VII, 2,4; VII, 3,2; VII, 3,3; VII, 3,4; VII, 3,7; VII, 3,8; VII, 3,9; VII, 3,11; VII, 3,12; VII, 3,13; VII, 3,15; VII, 3,16; VII, 3,17; VII, 3,18; VII, 3,19; VII, 4,1; VII, 4,2; VII, 4,3; VII, 4,4; VII, 4,5; VII, 4,6; VII, 6,1; IX, 2,42; XI, 2,1; XI, 2,2; XI, 2,4; XI, 2,8; XI, 2,9; XI, 2,10; XI, 2,11; XI, 2,12; XI, 2,13; XI, 2,14; XVI, 3,24; XVII, 3,34). Из этих наименований 22 встречаются только у Страбона (Аборака, агры, аррехи, тарпеты, обидеакены, Гнилое озеро, м. Малый Херсонес, урги,